

рывания речи героев обозначают, но оставляют нераскрытыми их внутренние колебания. Например, резкая смена поведения Раскольникова в разговоре с Заметовым в трактире, происходящая каждый раз после долгого молчания. Обозначив паузу и ее длительность, автор переходит к описанию мимики героев и, особенно, тона и слога произносимых слов как средств создания ситуации «порога». «Пороговые» паузы умолчания служат средством отражения психологического состояния и создания характеристики героя в романе.

Э. Димитров отмечает, что в романах Достоевского открываются два предела «безмолвия»: верхний и нижний. Говоря о вертикальности онтологического мышления писателя и горизонтальности поэтического, исследователь выстраивает *крест* как символическую «матрицу» творчества Достоевского и обозначает два предела «безмолвия»: «безмолвие» как «инословие» и «воцарившееся молчание», «до-слово» [6]. Таким образом, конкретная реализация семантики безмолвия в повествовательной ткани «Преступления и наказания» располагается по горизонтали, смысловая – по вертикали. В центре – образ Раскольникова, чувствующего в себе два предела сознания: «отголоски небытия» и стремление к сверхбытию. Два предела безмолвия находят воплощение в диалогах Раскольникова с Соней и Свидригайловым и в судьбах этих героев. Свидригайлов и Соня – два полюса сознания Раскольникова. Именно от них герой ждет последнего слова, разрешения своих «проклятых вопросов». Раскольников стоит перед выбором: чью дорогу выбрать – Сони или Свидригайлова: «Тут – или ее дорога, или его» [С. 54].

Семантика безмолвия с самого начала романа пронизывает образы Сони и Свидригайлова. Появление Свидригайлова в камерке Раскольникова предваряет тишина: «...на пороге стоял совсем незнакомый ему человек и пристально его разглядывал... тихо, без шуму сел на стул подле дивана... Прошло минут десять. Было еще светло, но уже вечерело. В комнате была совершенная тишина. Даже с лестницы не приносилось ни одного звука. Только жужжала и билась какая-то большая муха, ударяясь с налета об стекло» [С. 214]. В паузах умолчания, постоянно прерывающих диалог героев, сталкиваются одна из сторон сознания Раскольникова («идеолога») и сознание Свидригайлова. Это нижний предел молчания, апокалиптическая тишина, в этом молчании нет живого человека. Недаром в сцене с Дуней подчеркивается *немота* Свидригайлова как состояние его сознания, безвыходность положения, в котором он в конце концов оказывается. Оттого и пауза, во время которой он осознает все это, выражена следующим образом: «Прошло мгновение ужасной немой борьбы в душе Свидригайлова. Невыразимым взглядом глядел он на нее. Вдруг он отнял руку, отвернулся, быстро отошел к окну и стал пред ним.

Прошло еще мгновение» [С. 383].